

ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ОЧЕРКА И.С. ТУРГЕНЕВА «ВОСПОМИНАНИЯ О Н.В. СТАНКЕВИЧЕ»

В ряду созданных И.С. Тургеневым произведений портретного жанра очерку, публикуемому под редакционным заголовком «Воспоминания о Н.В. Станкевиче», принадлежит особое место. Он был написан летом 1856 г., т. е. за много лет до того, как И.С. Тургенев обратился к этому жанру и создал основной массив относимых к нему очерков. Данное произведение относится к жанру портретно-психологического очерка. Как известно, портретно-психологические очерки посвящены известным писателям, художникам, общественным деятелям, к коим и относится личность Н.В. Станкевича. Нередко такие очерки создавались писателями под влиянием полученного известия о смерти соответствующего лица. В них персонажи раскрываются с разных сторон, разными своими чертами, порой даже противоречивыми, что предполагает объективность. Вместе с тем в этой жанровой разновидности очерка, впрочем, как и в любом очерке в целом, ощущается отношение автора к характеризруемому им человеку.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы показать идейно-художественное своеобразие очерка И.С. Тургенева о современнике Н.В. Станкевиче.

Творческая история и история публикации очерка оказалась непростой. И.С. Тургенев о нем то ли забыл, то ли отложил как что-то не представляющее ценности. Он остался неопубликованным и появился в печати лишь после того, как был случайно обнаружен Л.Н. Майковым в бумагах П.В. Анненкова. И.С. Тургенев написал очерк по просьбе П.В. Анненкова, который готовил в это время книгу «Николай Владимирович Станкевич. Переписка его и биография, написанная П.В. Анненковым» [2], а вошедшую в него сопроводительную статью напечатал незадолго до ее выхода в «Русском вестнике». П.В. Анненков не был лично знаком с Н.В. Станкевичем и опирался, главным образом, на его переписку. Но он не имел достаточного представления о его бытовом облике, внешности, манере держаться, другими словами, о своеобразии его личности.

Все это было хорошо известно людям, систематически общавшимся с Н.В. Станкевичем, а из таких людей самым близким П.В. Анненкову был И.С. Тургенев. Вероятно, отвечая пожеланиям П.В. Анненкова, И.С. Тургенев придал своим воспоминаниям о Н.В. Станкевиче особенно личный, интимный характер. В своей статье П.В. Анненков использовал материал, предоставленный ему И.С. Тургеневым, и, не называя его по имени, внес безличные формулировки, вроде «Одному из его знакомых мы обязаны следующим описанием внешности Станкевича» [2, с. 233]. «Один из молодых русских <...> рассказывал нам сцену, которой был очевидцем» [2, с.

210–211]. Это наполнило публикацию П.В. Анненкова достоверными свидетельствами.

И.С. Тургенев выражал интерес к работе Анненкова. Его письма содержат повторяющиеся вопросы: «А что биография Станкевича – когда выйдет?» [3, т. 3. с. 74]. «Да, кстати, что же издание писем Станкевича? Подвигается?» [3, т. 3. с. 104]. «...Я с истинным нетерпением ожидаю статьи о Станкевиче» [3, т. 3, с. 109]. Статья П.В. Анненкова о Н.В. Станкевиче, прочитанная И.С. Тургеневым в «Русском вестнике», привела его в восторг, и он писал автору: «Вы воскресили мне его светлое лицо, Вы перенесли меня во времена моей молодости, весь смысл его жизни угадан, верно, тонко передан – спасибо!» [3, т. 3, с. 118].

Особенности очерка И.С. Тургенева о Н.В. Станкевиче во многом обусловлены качествами личности, которой он посвящен. За свою недолгую жизнь скончавшийся в 27 лет Н.В. Станкевич написал одну весьма посредственную и малоинтересную историческую трагедию «Василий Шуйский», несколько десятков ничем не примечательных стихотворений, две статьи и еще два прозаических наброска. Но по каким-то причинам люди, оставившие гораздо более значительный след в истории России и русской литературы, такие, как В.Г. Белинский, М.А. Бакунин, В.П. Боткин, Т.Н. Грановский, А.В. Кольцов, К.С. Аксаков и И.С. Тургенев воспринимали его как своего духовного вождя, тянулись к нему, восхищались им, а возглавляемый им кружок вошел в историю литературы как один из центров интеллектуальной жизни России в последекабристский период. По силе личности и привлекательным человеческим качествам Н.В. Станкевича, вероятно, можно сравнить с рано умершим Д.В. Веневитиновым, который был несравненно более одаренным поэтом и его стихи заняли законное и почетное место в истории русской литературы.

Н.В. Станкевич умер в Италии в ночь с 24 на 25 июня 1840 года, через несколько дней об этом узнал живший в Берлине И.С. Тургенев. 4(16) июля он написал Т.Н. Грановскому письмо, некоторые отрывки из которого необходимо напомнить: они существенно дополняют тот материал, который он спустя полтора десятилетия сообщил П.В. Анненкову. «Нас постигло великое несчастье, Грановский. Едва могу я собраться с силами писать. Мы потеряли человека, которого мы любили, в кого мы верили, кто был нашей гордостью и надеждой... 24-го июня, в Нови – скончался Станкевич. Я бы мог, я бы должен здесь кончить письмо... Что остается мне сказать – к чему Вам теперь мои слова? Не для Вас, более для меня продолжаю я письмо: я сблизился с ним в Риме, я видел его каждый день – и начал оценивать его светлый ум, теплое сердце, всю прелесть его души... Холодная рука смерти пала на его голову, и целый мир погиб... Боже мой! Как этот удар поразит Вас, Неверова, Фроловых, Кенни, Бакуниных, всех его знакомых друзей!.. Кто из нашего поколения может заменить нашу потерю? Кто, достойный, примет от умершего завещание его великих мыслей и не даст погибнуть его влиянию, будет идти по его дороге, в его духе, с его силой?.. Отчего не умереть другому, тысяче другим, мне напр.» [3, т. 1, с. 191–193].

Характеристика Н.В. Станкевича углубляется в письме к М.А. Бакунину и А.П. Ефремову. «Как для меня значителен 40-й год! Как много я пережил за 9 месяцев!.. В Риме я нахожу Станкевича. Понимаешь ли ты переворот, или нет – начало развития моей души! Как я жадно внимал ему, я, предназначенный быть последним его товарищем, которого он посвящал в служение Истине своим примером, Поэзией своей жизни, своих речей! Я его увидел – и прежде, еще непримиренный, я верил в примирение: он обогатил меня своей тишиной, уделом полноты – меня. Еще недостойного... Я видел в нем цель и следствие великой борьбы и мог – отложивши ее начало – без угрызения предаться тихому созерцанию мира художества...» [3, т. 1, с. 194–195]. Конечно, в этом письме проявились не только особенности эпистолярного стиля той эпохи, но и особая эмоциональность личности И.С. Тургенева.

Он был взволнован, огорчен, и в его письме возникает прямое обращение к умершему: «Станкевич! Тебе я обязан моим возрождением: ты протянул мне руку – и указал мне цель... и если, может быть до конца твоей жизни, ты сомневался во мне, пренебрегал меня, быть может – что я заслужил моими бывшими мелочами и надутыми порывами – ты теперь меня всего знаешь и видишь истинность и бескорыстность моих стремлений. Благодарность к нему – одно из чувств моего сердца, доставляющих мне высшую отраду. – Я приехал в Берлин, предался науке – первые звезды зажглись на моем небе – и, наконец, я узнал тебя, Бакунин. Нас соединил Станкевич – и смерть нас разлучит» [3, т. 1, с. 195].

Многие из тех, кого поразила ранняя смерть Н.В. Станкевича откликнулись на нее письмами, и можно говорить о том, что все они переживали одно и то же. В.Г. Белинский назвал кончину Н.В. Станкевича «великой утратой». Литераторы, которые не поддерживали с ним тесных личных отношений и занимавшие иные позиции, как, например, А.И. Герцен, который, по его собственному признанию, «шел другим путем», также отмечали огромную роль Н.В. Станкевича для судеб тех, кто входил в его окружение. Он «понял таланты» М. Бакунина, он помог найти свой путь А.В. Кольцову, «и Россия не услышала бы этих чудных, кровнородных песен, если бы на его пути не стоял Станкевич». «...Взгляд Станкевича на художество, на поэзию и ее отношение к жизни, – писал А.И. Герцен, – вырос в статьях Белинского в ту новую мощную критику, в то новое воззрение на мир, на жизнь, которое поразило все мыслящее в России...» [1, т. 9, с. 43]. А.И. Герцен приводит слова Т.Н. Грановского: «"Никому на свете не был я так много обязан. Его влияние на нас было бесконечно и благотворно"», – и добавляет от себя «...И сколько человек могли сказать это! Может, сказали!» [1, т. 9, с. 44].

Когда Герцен прочел анненковскую биографию Н.В. Станкевича, написанную, как уже говорилось, с использованием материалов, полученных от И.С. Тургенева, он оценил и ее, и сам факт издания переписки Н.В. Станкевича очень высоко. Он писал, что благодаря ей «стал гораздо *ближе* к тому времени», сожалел, что, как он считал, «переписка Станкевича прошла

незаметно», но уверенно предсказывал изменение отношения к ней, которое ждет ее в будущем: «Но книга эта не пропадет. Она останется на убогом кладбище, одним из редких памятников своего времени, по которым *грамотный* может прочесть, что *тогда* хоронилось безгласно» [1, т. 9, с. 35]. Таким образом, отношение И.С. Тургенева, помощь П.В. Анненкову в его стремлении запечатлеть облик Н.В. Станкевича дали возможность современникам понять его лучше.

В очерке И.С. Тургенева о Н.В. Станкевиче говорится о том, что они познакомились в 1838 году. Это не вполне точно. По свидетельству самого Н.В. Станкевича, они познакомились в Московском университете в 1833 году, после этого в их встречах был длительный перерыв, продолжавшийся около пяти лет. За это время у И.С. Тургенева сложилось достаточно невыгодное мнение о Н.В. Станкевиче как о литераторе. Он читал его стихи, появлявшиеся в русских журналах и альманахах, и счел их настолько слабыми, что называл молодого поэта «виршеплет».

Но и в 1838–1839 годы И.С. Тургенев встречался с Н.В. Станкевичем эпизодически, и лишь за считанные месяцы до его смерти они по-настоящему сблизились. На это время приходятся все сохранившиеся письма И.С. Тургенева к Н.В. Станкевичу. По впечатлениям, сохранившимся в его памяти, И.С. Тургенев в большей степени привязался к Н.В. Станкевичу, чем Н.В. Станкевич к нему. Н.В. Станкевич «в гораздо большей степени знал с Грановским и Неверовым», в то время как И.С. Тургенев «очень скоро почувствовал к нему уважение и нечто вроде боязни, проистекавшей, впрочем, не от его обхождения со мною, которое было весьма ласково, как со всеми, но от внутреннего сознания собственной недостойности и лживости» [4, т. 6, с. 389]. Видимо, личность Н.В. Станкевича обусловила какое-то особое отношение к нему окружающих, в основе которого было, прежде всего, глубокое уважение.

И.С. Тургенев не останавливается на характеристике мироощущения Н.В. Станкевича, рассказывая об общении с одной его знакомой, вспоминает, что ни разу не слышал, чтобы они говорили о философии. Вместе с тем он бережно восстанавливает детали его человеческого облика: рассказывает, что у него с утра до вечера гостила одна девица, и тут же добавляет, что «Станкевич любил женский пол, но в душе был целомудрен». Не был он чужд и ревности. «Берта, о которой я говорил выше, была отчасти причиной холодности Станкевича ко мне: я раз поехал с ней кататься верхом в Тиргартен – она очень со мной кокетничала, – а вернувшись, уверила Станкевича, что я делал ей предложения» [4, т. 6, с. 391]. Впрочем, это не мешало относиться к нему с симпатией.

И.С. Тургенев упоминает о любви Н.В. Станкевича к театру, особенно к опере. В целом «в характере Станкевича было много веселости, и он любил посмеяться, называл имена немецких комиков, которые были его любимцами». Несколько раз на протяжении очерка И.С. Тургенев обращает внимание на симптомы нездоровья своего друга: «Здоровье его уже тогда было плохо – мы знали все, что он страдает грудью», «Здоровье его стало

значительно хуже – голос получил какую-то болезненную сиплость, сухой кашель мешал ему говорить», «Станкевич не отставал от нас, хотя часто плохо себя чувствовал; но дух его никогда не падал...», «Взбираясь по лестнице, Станкевич продолжал читать и вдруг остановился, кашлянул и поднес платок к губам – на платке показалась кровь... Я невольно содрогнулся, а он только улыбнулся и дочел стихотворение до конца». Мы все знали, что у Станкевича болезнь безнадежна». И вместе с тем: «Ни разу не слышал я от него жалоб на свое здоровье; о болезни своей он говорил не иначе как в шутовском тоне; никогда не хандрил» [4, т. 6, с. 344]. Эти детали позволяют автору воссоздать черты характера Н.В. Станкевича. Но в конце очерка, на предпоследней странице, И.С. Тургенев описывает внешность Н.В. Станкевича.

Эта особенность представляется довольно редкой в портретно-психологических очерках. Обычно портрет героя предшествует остальному тексту. Такое композиционное решение, очевидно, связано с тем, чтобы черты личности Н.В. Станкевича, своеобразие его характера и манеры общения с людьми завершилось кульминацией – описанием внешности. И.С. Тургенев дает понять, что это описание органически продолжает и завершает весь предыдущий рассказ: внешность Н.В. Станкевича так пронизана его внутренним миром, так слита с ним, что обаяние его внешнего облика было одной из составляющих его сильнейшего и благотворного воздействия на окружающих. «Станкевич был более нежели среднего роста, очень хорошо сложен – по его сложению нельзя было предполагать в нем склонности к чахотке, – пишет И.С. Тургенев. – У него были прекрасные черные волосы, покатый лоб, небольшие карие глаза; взор его был очень ласков и весел; нос тонкий, с горбиной, красивый, с подвижными ноздрями, губы тоже довольно тонкие, с резко означенными углами; когда он улыбался – они слегка кривились, но очень мило, – вообще улыбка его была чрезвычайно приветлива и добродушна, хоть и насмешлива; руки у него были довольно большие, узловатые, как у старика; во всем его существе, в движениях была какая-то грация и бессознательная distinction (благовоспитанность. Франц.) – точно он был царский сын, не знавший о своем происхождении» [4, т. 6, с. 394].

Глубокое впечатление, которое на всю жизнь оставило у И.С. Тургенева его непродолжительное общение с Н.В. Станкевичем, отразилось в том, что этот образ неоднократно воплощался в его художественном творчестве. Сам И.С. Тургенев упоминал, что когда он «изображал Покорского (в «Рудине»), образ Станкевича носился» перед ним [4, т. 6, с. 395]. Несомненно, между ними есть кое-что общее. Сближают их такие черты, как высокая моральная чистота, большое личное обаяние, любовь к людям, заинтересованность в них, способность воздействовать на окружающих и нравственно их перевоспитывать, философский ум, увлечение немецкой философией и стремление использовать ее для осмысления жизни и подчинения ее высоким моральным идеалам.

Подводя итог всему выше сказанному, можно отметить, что место Н.В. Станкевича в духовном мире И.С. Тургенева трудно переоценить. Идеино-художественное своеобразие данного очерка определяется наличием высокого писательского мастерства Тургенева. Он стремился к фактической, документальной точности, но такой точный образ Станкевича мог воссоздать только выдающийся художник и мастер литературного портрета как И.С. Тургенев.

Литература

1. Герцен А.И. Собрание сочинений : в 30 т. / А.И. Герцен. – М. : Изд. АН СССР, 1954–1966.– Т. 9.
2. Станкевич Н.В. Переписка его и биография, написанная П.В. Анненковым / Николай Владимирович Станкевич. – М.; 1857. – 395 с.
3. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т./ И.С. Тургенев. – М.; Л. : Изд. АН СССР. – 1960–1968. – Т. 3.
4. Тургенев И.С. Собрание сочинений : в 12 т. / И.С. Тургенев. – М.: Художественная литература. – 1975–1979. – Т. 6.

Анотація

Стаття присвячена осмисленню ідейно-художньої своєрідності нарису І.С. Тургенева «Спогади про Н.В. Станкевича». Автору вдалося неймовірно точно і достовірно відтворити вигляд сучасника, що допомогло глибше осягнути його внутрішній світ. Своєрідність даного нарису полягає в емоційному забарвленню опису Станкевича і в точності його психологічного портрета.

Ключові слова: спогади, портретно-психологічний нарис, сучасник, жанровий різновид, портрет.

Аннотация

Статья посвящена осмыслению идейно-художественного своеобразия очерка И.С. Тургенева «Воспоминания о Н.В. Станкевиче». Автору удалось неимоверно точно и достоверно воссоздать облик современника, что помогло глубже постичь его внутренний мир. Свообразие данного очерка заключается в эмоциональной окраске описания Станкевича и в точности его психологического портрета.

Ключевые слова: воспоминания, портретно-психологический очерк, современник, жанровая разновидность, портрет.

Summary

The article is devoted to the comprehension of the ideological and artistic originality of I.S. Turgenev's essay «Воспоминания о Н.В. Станкевиче». The author has succeeded to recreate the image of the contemporary extremely accurately and reliably, what helped him to understand his inner world. The originality of this essay is to describe the emotional coloring of Stankevich and the accuracy of his psychological portrait.

Key words: memories, a portrait-psychological essay, contemporary, genre variety, portrait.